

— Паутина уже настолько толстая, что в ней можно гнездо птицы устроить, а ты даже не потрудился её стереть?

— Посмотри на себя, даже подметаешь неправильно, как ты можешь так убирать?

Голоса звучали так громко и назойливо, словно стая воробьёв, и даже если бы в уши заткнули десять слоёв ваты, всё равно бы всё было слышно.

И это ещё не было настоящим выговором, а просто шутливым поддразниванием, но от этого шум становился ещё громче.

Сюй Мухуай высунул лицо из-под одеяла, задумчиво размышляя, что действительно, неудовлетворённый мужчина — это самое невыносимое существо на свете. Медленно поднявшись с постели, он, таща за собой тяжёлые шаги и тёмные круги под глазами, открыл дверь и столкнулся лицом к лицу с поднятой рукой Сяо Цяня, который как раз собирался постучать.

Его рука развернулась и опустилась.

— Уже давно пора вставать, — произнёс генерал Сяо без тени смущения за то, что нарушил чужой сон, словно старый учитель, который уже и головой не соображает, — Утро — это время для важных дел, нельзя расслабляться. Пойдём сыграем партию в шахматы.

Сюй Мухуай изо всех сил сдерживал желание захлопнуть дверь перед лицом Сяо Цяня.

Но в конце концов не посмел, лишь печально посмотрел на него, прикрыл лицо руками и вернулся в комнату, чтобы привести в порядок свою красоту.

Сяо Цянь, не стесняясь, последовал за ним, наблюдая, как молодой господин Сюй выкладывает коробочки с румянами, помадой, пудрой и другими косметическими средствами, чтобы нанести их на лицо. Генерал с трудом сдерживал удивление, думая, что быть таким изнеженным — это действительно непросто.

После того как он насмотрелся и даже пару раз зевнул, Сюй Мухуай всё ещё не закончил свои дела, и Сяо Цянь, потеряв терпение, просто схватил его за руку и потащил в беседку на озере.

Беседка на озере во Дворце Фэнъи была окружена остатками лотосов и изумрудной водой, и зимний холод уже начал отступать.

В Наньюэ зима короткая, снег выпал всего один раз, и сразу же наступила весна с её дождями.

Линь Лин расставила шахматную доску и налила чай обоим.

Сюй Мухуай держал чашку, его лицо покраснело от смущения, и он то и дело опускал взгляд на тарелку с угощениями неподалёку. Линь Лин, заметив это, незаметно подвинула тарелку ближе к нему.

Наблюдая за этой сценой, Сяо Цянь почувствовал, словно ему что-то насильно запихивают в рот, и ему стало не по себе. Он решительно разгромил Сюй Мухуая в шахматах за считанные минуты.

— Ты играешь слишком мелочно, — сказал Сяо Цянь, подняв бровь. — Слишком много внимания уделяешь деталям, а широты мышления не хватает.

Сюй Мухуай застыл с улыбкой на лице:

— Я всего лишь купец, мой кругозор узок, прошу прощения, Ваше Величество.

Сяо Цянь на мгновение остановился, убирая фигуры с доски:

— Раз ты купец, значит, хорошо разбираешься в счетоводстве?

Сюй Мухуай с лёгкой гордостью ответил:

— Естественно.

Сяо Цянь махнул рукой:

— Тогда с этого дня все финансовые дела дворца будут переданы в твоё ведение.

Сюй Мухуай чуть не уронил пудру с лица:

— Ваше Величество... Это слишком важное дело, я...

— Эй, — Сяо Цянь, привыкший перекладывать ответственность на других, уже начал свою привычную тактику убеждения, — Кто может, тот и должен. Ты целыми днями ничего не делаешь во дворце, это неправильно. Управление финансами будет полезным, к тому же Линь Лин всегда поможет тебе. Не волнуйся, это дело не так уж важно, главное — я доверяю тебе, и я уверен, что ты справишься.

Лицо Сюй Мухуая изменилось, он выглядел крайне неловко.

Сяо Цянь подумал, неужели его навыки убеждения уже настолько ухудшились, что даже с таким изнеженным человеком не справляются?

Однако, подняв взгляд, он увидел, что Сюй Мухуай внезапно встал и опустился на колени:

— Ваш покорный слуга приветствует Его Величество.

Молодой господин Сюй опустил голову, словно готов был удариться ею о землю.

Линь Лин, Сяо Дэцзы и другие, возможно, были слишком простодушны, чтобы понять, что между императором и императрицей что-то пошло не так.

Но Сюй Мухуай был другим.

Он с детства жил в закрытом мире, где видел только счета, деньги и любовные интриги.

Постоянно находился в такой среде, а также обладал от природы высоким эмоциональным интеллектом, он с первого взгляда понял, что между молодым императором и этой могущественной императрицей произошёл разлад.

Раньше он только догадывался, но всё было неясно.

А теперь, увидев, как император осторожно подошёл, а затем замёр, услышав слово «доверие», он вдруг всё понял.

Он снова задумался, действительно ли в императорской семье, где всё можно измерить и

взвесить, есть место искренним чувствам?

Императрица, должно быть, тоже это поняла.

Молодой господин Сюй, видя, как императрица, понимающая всё и равнодушная ко всему, встала и поклонилась, произнеся:

— Приветствую Ваше Величество.

Затем сразу же повернулась к Линь Лин и приказала:

— Принеси плащ.

Сюй Мухуай, зубы которого уже начали стучать от холода, подумал: «...»

Фан Минцзюэ, стоявший за спиной, медленно разжал руки и спокойно посмотрел на Сюй Мухуая:

— Поднимись и уходи.

Молодой господин Сюй мгновенно исчез, словно кролик, убегая с поля боя, где не было видно дыма и огня.

Сяо Цянь налил чай и протянул его Фан Минцзюэ, который взял его и сделал глоток. Чай был холодным.

Жидкость стекала по горлу, заполняя внутренности, и всё внутри замерзло.

Фан Минцзюэ смутно вспомнил ту ночь, когда он лежал в постели, и с тех пор, когда этот человек был рядом, он больше не пил холодный чай.

Теперь же холод пронизывал его до костей, и горечь была невыносимой.

— Через три дня я отправляюсь на весеннюю пахоту, — сказал Фан Минцзюэ, допив чай и поставив чашку. — Городская стража будет сопровождать меня. Если ты хочешь, чтобы Гу Чжаньци проявил себя, позволь ему действовать, всё будет организовано.

Сяо Цянь кивнул, уловив скрытый смысл:

— Ваше Величество хочет использовать это, чтобы кого-то убрать?

Фан Минцзюэ взял несколько шахматных фигур, рассыпал их и слегка подвинул.

— Правый, — беззвучно произнёс Сяо Цянь, понимая.

Наньюэ отличалась от Великой Цзинь, где двор был строгим и упорядоченным. Здесь царил хаос, и коррупция была повсеместной.

Самыми высокими должностями в государстве, строго говоря, были не Великий наставник Чан и генерал Ян Цзинь, а левый и правый министры.

Должность левого министра оставалась вакантной после смерти учителя предыдущего императора. А правый министр, трёхкратный ветеран правления, давно болел и не появлялся на заседаниях, говорят, он прятался где-то в горах, ожидая падения страны.

Фан Минцзюэ перемешал шахматные фигуры и тихо сказал:

— Правый министр не занимается государственными делами, но его ученики и последователи разбросаны по всей стране. Я хочу получить его поддержку. В марте я достигну совершеннолетия и начну управлять государством самостоятельно. Правый министр, когда-то взявший на себя обязанности регента, обязательно вернётся в столицу для участия в церемонии. В это время, если кто-то попытается его убить...

Сяо Цянь вздрогнул.

Верно.

Фан Минцзюэ достигнет двадцати лет, и больше не будет тем, кто лишь ставит красные пометки на докладах, которые никто не читает. Великий наставник Чан больше не сможет оправдывать свои действия, и если он попытается что-то контролировать, то только втайне. Он больше не сможет действовать открыто.

Двор Наньюэ был крайне беспорядочным, а народ — очень свободным. Люди свободно обсуждали государственные дела, и чиновники не смели их останавливать. Рассказчики были вездесущи, их языки были длинными, и каждый мог указать пальцем на Великого наставника Чана и разрушить его репутацию.

Таким образом, даже если Фан Минцзюэ был изгоем в дворе и бельмом на глазу, он дожил до совершеннолетия, и никто не осмеливался открыто на него напасть.

Но этот хрупкий баланс вот-вот разрушится, и молодой император начнёт править самостоятельно.

Неудивительно, что Ян Цзинь начал паниковать.

— Ваше Величество, действуйте смело, — сказал Сяо Цянь. — Гу Чжаньци предан Вам и обязательно обеспечит Вашу безопасность.

Фан Минцзюэ чуть не раздавил шахматную фигуру в руке. Спокойное и отстранённое поведение Сяо Цяня обожгло его глаза. Забота и защита оставались прежними, но дистанция между ними стала слишком большой.

— Я хочу, чтобы ты... — Фан Минцзюэ запнулся, с трудом подбирая слова, — ...пожалуйста, поехал со мной.

Сяо Цянь кашлянул и спокойно ответил:

— Я ещё не полностью выздоровел, прошу Ваше Величество проявить снисхождение.

Фан Минцзюэ сухо усмехнулся и сжал губы.

Как раз в этот момент вернулась Линь Лин, и Сяо Цянь взял плащ, почувствовав, что он был согрет.

Говоря, что разочаровался в молодом императоре, он всё же не мог избавиться от этой привычки заботиться. В конце концов, этот человек был слишком милым, стоило ему опустить глаза или сжать губы, как сразу хотелось поцеловать его и заставить улыбнуться.

Сяо Цянь развернул плащ и накинул его на плечи Фан Минцзюэ, но не завязывал.

— В беседке холодно, Ваше Величество, берегите себя.

Худощавое тело Фан Минцзюэ было укутано в широкий и тяжёлый плащ, одна рука медленно схватилась за красную ленту, свисающую с воротника.

Белая, как нефрит, рука на фоне ярко-красного цвета выглядела особенно контрастно.

Он сам медленно завязал узел и вышел из беседки.

Краем глаза он заметил, что Сяо Цянь снова сел пить чай.

Фан Минцзюэ вернулся в Зал Сунъян и сел на низкий диван.

Сяо Дэцзы осторожно добавил несколько новых углей в жаровню и тихо спросил:

— Ваше Величество, императрица... нуждается в помощи?

Слова застряли у него на языке, но он всё же спросил.

Даже этот простак начал учиться читать между строк.

Хотя император перед выходом говорил, что нужно убрать вещи императрицы, но сейчас было очевидно, что он вернулся ни с чем. Если продолжать спрашивать, завтра он сам может оказаться на площади казней.

Фан Минцзюэ покачал головой и взглянул на Сяо Дэцзы:

— Он не хочет ехать со мной на весеннюю пахоту.

<http://bllate.org/book/16207/1454836>